

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1008-1016. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1008
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Old Believers' Re-Emigration in early 1750-ies: the Southern Program of Russian Authorities

Andrey S. Ryazhev ^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy of the middle of the 18th century — the least studied period in the process of formation of Russian religious tolerance in the early Modern Time. The formation of a special direction of the state activity — the organization and support of the re-emigration of Old Believers who fled from Russia since the end of the 17th century, and their descendants, investigated for the first time in historiography. The author characterizes the prerequisites and the most important processes of the formation of the policy of southern re-emigration, conventionally called there the southern program, on the basis of little-known unpublished materials. Most attention is paid to the pragmatic and enlightenment foundations of the southern program of re-emigration, resulting from the priorities of the development of outskirts of the Russian Empire and implying the settlement of the state lands and the strengthening of the presence of the fugitive population on them. The author states in conclusion that the elements of religious tolerance, manifested by the local military-civil administration and supported by the Supreme power, led to a relatively rapid inclusion of fugitives, accumulated near the borders, in the system of the state feudalism, and their fixation in the southern spaces of New Russia.

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, fugitive population, re-emigration of old believers, the southern program of re-emigration, New Russia, religious policy, religious tolerance.

1. Введение

Одной из наиболее острых проблем для российских властей в XVIII в. была борьба с бегством старообрядцев за рубеж и возвращение беглецов с сопредельных территорий, особенно Речи Посполитой и Молдавии.

Противодействие подобным людским потерям имело традиционное для феодального государства обоснование: поддержание крепостнических порядков и защита доктрины самодержавия заставляли заботиться о снижении влияния (идейного, социального) старообрядчества на простонародье и ставить препоны его оттоку в заграничные центры «старой веры». Но к середине столетия сказывались и объективные геополитические резоны. Русско-турецкое соперничество после войны 1735–1739 гг. побуждало российскую сторону усиливать присутствие на подступах к Северному Причерноморью и ставить новую государственную задачу — укрепление южной границы европейской части страны, скорейшее освоение тамошних земель. Мобилизация людских ресурсов, скопившихся в старообрядческих селениях по ту сторону границ, представлялась наиболее быстрым способом обеспечить военную безопасность и хозяйственное освоение юга, разумеется, при закреплении пришлого населения.

Новые императивы действий верховной власти раньше всего дали себя знать в ее отношении к крупнейшим очагам «старой веры», возникшим на западных и юго-западных окраинах России в

* Corresponding author

E-mail addresses: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

результате бегства податного люда. Не позже 1660-х гг. поселения (слободы) беглецов образовались в Стародубском и Черниговском полках Левобережной Украины с ведома тамошних частных владельцев – малороссийских казачьих старшин. В изучаемое время слободы, получившие общее наименование Стародубских, находились в пределах Киевской губернии. С середины XIX в. с появлением устойчивого административного деления они значились на картах Черниговской губернии (Стародубский, Новозыбковский, Суражский уезды). Ныне историческое Стародубье относится к Злыньскому и Клиновскому районам Брянской области РФ, отчасти Городнянскому и Семеновскому районам Черниговской области Республики Украина. В 1680-е гг. выходцы из Стародубских слобод основали в польско-литовских владениях неподалеку от г. Гомель новые слободы. По месту первичного обитания – о. Ветка в нижнем течении р. Сож – быстро разросшиеся и появлявшиеся в новых местах жительства беглых получили название Ветковских слобод. С введением российского территориального устройства на землях бывшей Речи Посполитой слободы Ветки оказались в Белицком, затем Гомельском уезде Могилевской губернии. В наши дни земли, о которых идет речь, входят в Ветковский район Гомельской области Республики Беларусь.

В награду за помощь против шведов в годы Северной войны Петр I вывел малороссийские слободы из-под действия антистарообрядческих указов. В 1715 г. власти организовали здесь перепись населения, переведя его затем в казенное ведомство и предоставив новоявленным «государевым слободам» самоуправление, возможность исповедания «древлего» православия и общения с собратьями по вере за границей. Опыт легальной автономии старообрядцев в Российской империи оказался востребованным в связи с приоритетами южной политики. Опираясь на него, военно-гражданская администрация юга России предложила систему мер по поощрению реэмиграции староверов в пределы региона.

Подобная программа нашла понимание верховной власти. Складывание замысла и становление южной программы, ориентированной с 1750-х гг. на реэмиграцию староверов, необходимо изучить, что и является целью статьи.

2. Материалы и методы

Важную роль в изучении старообрядческой реэмиграции играют источники официального происхождения: документы центральных и местных учреждений из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва) о переселении староверов из Речи Посполитой и Молдавии на южные окраины Российской империи. В контексте избранной темы нельзя обойти вниманием и наследие П.Г. Любомирова: в свое время историк готовил труд о роли старообрядцев в истории России и собрал значительный материал о староверах. Эти материалы, отложившиеся в фонде личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, г. Москва), весьма значимы в содержательном и историографическом планах.

Опубликованные источники в составе многотомных изданий Первого полного собрания законов Российской империи (ПСЗ), сборников Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО), имеют, как и архивные материалы РГАДА, официальное происхождение. Законодательство характеризует шаги государства по освоению юга в изучаемое время, бумаги же Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, привлекаемые в дополнение к указам, раскрывают принципы аннинской политики в старообрядческом вопросе и дают возможность выявить изменения, имевшие место в дальнейшем.

Научный инструментарий исследования включает в себя методы выявления и анализа источников, а также обобщения полученных данных. Поиск архивных источников в РГАДА был ориентирован на учреждения-фондообразователи Сената, аккумулировавшие бумаги по реэмиграции (кроме законодательной деятельности и двусторонней российско-польской дипломатии на высшем уровне). Процедуры поиска предусматривали сплошной просмотр документальных комплексов, датируемых изучаемым временем, и выявление документов в соответствии с критерием максимальной информативности. Для обобщения информации применялся проблемно-хронологический метод, позволивший охарактеризовать аспекты проблемы реэмиграции и подходы к ее разрешению, намеченные властями в центре и на местах.

3. Обсуждение

Отношение властей к старообрядческой реэмиграции является важным аспектом вероисповедной политики российской монархии середины – второй половины XVIII в. Подобная тема актуальна для науки, ей посвящена значительная историография (Ряжев, 2006: 84-86). В то же время проблематика собственно изучаемого вопроса вскрыта в исторической литературе слабо.

Пионерами в XVIII–XIX вв. выступили историки старообрядчества, причем как его сторонники, так и противники из числа представителей господствовавшей греко-российской Церкви: затрагивая те или иные черты прошлого крупнейших учений или общин старообрядчества Ветки и Стародубья, они входили и в тему взаимоотношений «старой веры» с государством. Авторы отличали конфессиональные пристрастия, отсутствие взвешенности в трактовках крупных политических шагов: таковы старообрядцы (Алексеев, 2005; Любопытный, 1863; Мельников, 2006), таковы их оппоненты из греко-российского лагеря (Журавлев, 1831; Субботин, 1870; Лилеев, 1895). В научной литературе труды адептов Церкви вызвали более всего упреков. В частности, П.Г. Любомиров в характеристике сочинения А.И. Журавлева, оказавшего влияние на литературу Церкви, отмечал не только тенденциозность автора, но и отсутствие у того «элементарной критики и историчности» (ОПИ ГИМ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 181. Л. 302). Вместе с тем подобные труды имеют свое значение: в них впервые были охарактеризованы масштабные политико-правовые начинания, направленные на борьбу с побегами староверов за границу или на возвращение беглецов.

Светские авторы, впервые поднимавшие аналогичные сюжеты, выражали позицию официального неприятия старообрядчества, воспроизводя критику Церкви, направленную против старообрядцев (Мельников, 1898; Лазаревский, 1888). В этой связи ценностью представляют историко-правовые разработки, характеризовавшие изменения курса властей касательно старообрядчества (Владимирский-Буданов, 1888; Шмидт, 1962).

Взаимосвязь вопросов старообрядческого бегства и взаимоотношений с сопредельными и ближайшими государствами (Речь Посполитая, Курляндия, Крым, дунайские княжества) периодически затрагивалась в истории дипломатии (Бантыш-Каменский, 1897: 238, 239; Стегний, 2002: 94-107). Вклад староверов в освоение южных окраин страны отмечен в историко-демографических исследованиях XIX–XXI вв. Данная литература несет в себе фиксации численности и мест поселения староверов, соотносит динамику их появления на юге России с хозяйственно-экономическим развитием регионов Предкавказья и Причерноморья второй трети XVIII в. (Скальковский, 1836; Андриевский, 1886; Загоровский, 1912; Кабузан, 1976). Современная историография старообрядческих центров, располагавшихся на юго-западе Европейской России, отмечает прагматический характер мер правительства по части реэмиграции и их связь с крестьянским вопросом (Починская, 1994; Петрухинцев, 1999).

Что касается зарубежной литературы, то вопрос о численности староверов и времени возникновения их крупнейших поселений в Речи Посполитой становился предметом интереса польских и литовских авторов (Korzón, 1897; Deruga, 1938; Барановский, 1998; Блажавичюс, 1998).

4. Результаты

Власти, меняя курс в отношении заграничных староверов, критически пересматривали политику прежних царствований, и прежде всего царствования Анны Ивановны, когда имели место усилия властей распространить дискриминационное антистарообрядческое законодательство на слободских жителей, что влекло отток населения оттуда и из России в целом. Призывы 1730-х гг. к возвращению беглых, сопровождавшиеся преследованиями выходцев, селившихся на укрепленной Украинской линии, также оставили у староверов недобрую память. Дабы преодолеть ее, государство должно было осознать бесплодность социальной демагогии, контрастировавшей с крепостнической действительностью, и теперь оно показывало готовность к подобному осознанию.

Предполагалось покончить и с безоговорочной ставкой на насилие в деле возвращения беглецов. Власти осознавали значение Ветки как крупнейшего социального центра заграничного старообрядчества, привлекавшего массы беглецов. В феврале 1735 г. русские войска разорили и сожгли здешние слободы, выведя на свою сторону, по разным подсчетам, до 20 тыс. чел. Но уже через год старообрядцы восстановили разрушенные обиталища, о чем в Россию сообщал стародубский староста Я. Жаба (Бантыш-Каменский, 1897: 238). В июне 1740 г. на возрожденной из пепла Ветке, как следует из донесения в Сенат генерал-майора И.А. Шипова, значилось «до 400 дворов, может быть, более» (Сб. РИО: 204, 205). В конце 30 – начале 40-х гг. XVIII в. возникла и одна из крупнейших общин староверов в Литве (Барановский, 1998: 140-144). Таким образом, насильственные меры не давали нужного властям результата: бегство не прекращалось и не ослабевало. С наступлением 1750-х гг. власти проявили способность усвоить и этот урок царствования Анны Ивановны.

Показателем перемен в настроениях правящих верхов с середины правления Елизаветы Петровны явился проект П.И. Шувалова «О разных государственной пользы способах». Он был составлен в духе популярных теорий народонаселения и утверждал идею о том, что главная «сила государственная» есть народ, платящий подати. Как и все, что имело отношение к политике в сфере старообрядчества, проект вырастал из осмысления начинаний аннинского времени, развивая идеи А.П. Вольнского «о поправлении государственных дел» 1735 г. (Шмидт, 1962: 100-103). Вместе с тем

проект отражал новую тенденцию в развитии монархии – переход к «просвещенному абсолютизму», предполагавшему более гуманное отношение к старообрядчеству.

Первым шагом в условиях малонаселенности государственной территории на юге, где довлела опасность соседства со степью, было привлечение населения с Дуная и Балкан: в 1752–1754 гг. для его размещения создавались территориальные ведомства – Новая Сербия, Новослободской полк, Славяно-Сербия. Центром первых двух стала крепость св. Елизаветы (Кабузан, 1976: 52). Малочисленность этой категории переселенцев заставила начальство искать новые людские источники, и здесь в центре его внимания и оказались зарубежные староверы.

При Елизавете Петровне власти, как и прежде, исходили из представлений о масштабном бегстве простонародья под влиянием идей «старой веры» за границу. По официальным данным, к весне 1754 г. в Речи Посполитой насчитывалось 95 старообрядческих слобод и четыре монастыря с 3690 дворами и более чем 10 тыс. трудоспособных мужчин. «Да сверх того, – говорилось в одном из донесений в Сенат с мест, – в той же Польской области еще имеет слобод до 100 и более, населены все беглым великороссийским народом» (Кабузан, 1976: 91). Пограничный комиссар Д. Панов в 1756 г. информировал Сенат из Польской Лифляндии, плотно заселенной российскими беглецами, что их там «будет около миллиона» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1578. Л. 295). Чиновник Провиантской экспедиции А. Свечин после службы в Польше и Литве также сообщал в мае 1761 г.: «Тех беглых, в Польше обретающихся, превеликое множество, не менее как до миллиона простираетца...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 427. Л. 2, 3, 6-9).

В отечественной историографии нет достоверной статистики подобного бегства. В зарубежной же литературе представлена более скромная картина, нежели полагала в свое время российская сторона. До разделов Речи Посполитой в Короне Польской постоянно пребывало до 100 тыс. старообрядцев (Korzón, 1897: 475). Для сравнения: православных греко-российского исповедания во всем Польско-литовском государстве тогда насчитывалось до 600 тыс. (Стегний, 2002: 94). Доля старообрядцев в населении Речи Посполитой, даже с учетом сокращения ее территории в XVIII в., была невелика. Имеются, в частности, данные на 1791 г.: по ним в пограничном Брацлавском повете Короны Польской значилось 3037 старообрядцев, общая же численность жителей составляла 80128 чел. (Deruga, 1936: 60). Литовские историки насчитывают на 1791 г. в Литве, разделенной тогда между Курляндским герцогством и Великим княжеством Литовским, до 4 тыс. староверов и также делают вывод, что последние составляли лишь до пяти процентов населения литовских земель (Блажавичус, 1998: 166).

Соответственно, показатели бегства, которыми оперировала российская сторона, оказывались завышенными, и здесь елизаветинские деятели повторяли ошибку аннинского времени. Но во времена Анны Ивановны мнение командиров и администраторов о массовом бегстве служило поводом лишь к жестоким преследованиям староверов. При Елизавете Петровне же в связи с изменением основ государственной политики оно стало мотивом вероисповедной либерализации, дав жизнь системе мер – своего рода южной программе, нацеленной на использование в интересах государства человеческого ресурса, накопившегося вблизи российских границ.

Аннинская эпоха – разгром Ветки, преследование беглецов на сопредельной стороне (в Польской Лифляндии и коронных воеводствах) – вызывала у староверов тяжкие воспоминания на протяжении десятилетий. В этой связи контакты властей с зарубежными общинами староверов носили спорадический характер и осуществлялись в основном благодаря деятельности пограничных комиссий – российско-польских учреждений для пограничного урегулирования. Задача вести переговоры с беглецами о возвращении ложилась на сотрудников комиссий с российской стороны. Власти направляли в Речь Посполитую и вербовщиков «из простого звания», чтобы те также уговаривали народ переселяться на окраинные «пустые места» – на юг, в будущую Новороссию (Парамонов, 1904: 112; Починская, 1994: 20).

Вплоть до конца 1740-х гг. попытки вызвать отклик у староверов на той стороне были безуспешными. Но в 1749 г. челобитная на имя императрицы все же поступила. Ее подал С.Т. Заграбский, поверенный «живущих в Польше и Молдавии русских людей». Он хлопотал о зачислении представляемого им беглого люда «в береговую или пограничную службу, как служат донские казаки», в Миргородский полк. Если это окажется невозможным, добавлял челобитчик, то переселенцы готовы к включению в крестьянское состояние на условии платежа обычного (не двойного, как это полагалось по закону в отношении живущих в России старообрядцев), то есть сорокаалтынного подушного оклада. Вариант службы поверенный выдвигал как более предпочтительный, обещая, что в этом случае «охотников» до нее «будет более 25 тысяч» душ. Тогда же «киевский генерал-губернатор Леонтьев доносил о желании беглых русских в Польше перейти в малороссийские раскольнические слободы» (Соловьев, 1993: 15). Таким образом, пример малороссийских слобод оказывался по-прежнему важным для зарубежных беглецов-староверов.

Не позже 19 марта 1750 г., как следует из сенатского определения, обнаруженного С. М. Соловьевым среди бумаг Воинской экспедиции Сената, состоялось положительное решение императрицы Елизаветы Петровны. Согласие на ходатайство Заграбского последовало, однако «с тем, чтоб они поселились не в Миргородском полку, чьи земли принадлежат Малороссии, а отведутся им свободные земли в Великой России, в Белгородской или Воронежской губернии...» (Соловьев, 1993: 15). Необходимость поселения пришельцев на великороссийских землях документ объяснял отсутствием места в полках для столь крупной партии «выходцов». На деле за этим стояло желание властей обустроить государственные земли, а не угождать малороссийской старшины, не допуская при этом староверов в состав иррегулярного служилого населения.

Свое намерение заселять казенные территории и развивать южную программу реэмиграции староверов власти подтвердили в начале 1750-х гг. Инициатором программы выступил главный командир Новой Сербии, генерал-майор, позже генерал-аншеф и киевский генерал-губернатор И. Ф. Глебов. После длительного перерыва в контактах российской стороны со старообрядческой эмиграцией именно ему пришлось наводить мосты. Начальник стал инициатором указа от 6 октября 1753 г. – первой меры, когда светские власти выступали организаторами реэмиграции (ПСЗ: 891-897).

Откликом стало совместная челобитная, которую подали инок Николай из монастыря Покрова Богородицы на Ветке с братиею и войт (староста) ветковских обывателей Г. Тимофеев «с товарищи» от лица «загранишных». В прошении значилось: отцы россиян, осевших в Польше и Литве, бежали «за утеснением и налогами и искоренением содержания по старопечатным книгам... церковного служения». Ныне же челобитчики, продолжал документ, «услыша... публикацию... указа., приняли намерение с теплотою сердца... выйти в Российскую Империю...», но «содержат... немалое опасность, от... Синода не воспоследовало бы по духовной части утеснения».

В Польше, говорилось в челобитной, живет очень много русских, и в Россию из-за гонений на «старую веру» они идти не хотят, но от русского подданства не отказываются: «они желают в нынешних своих местах жить, а Е. И. В. платить повсягодно подушной оклад и за Е. И. В. многолетнее здравие Бога молить...». Подобную осторожность «загранишные» блюли, как подчеркивалось в бумаге, по той причине, что даже и в малороссийских слободах – наилучшем в России месте обитания для староверов – им живется несладко: «от частого нападения и разорения от малороссийских... старшин., так же и от проезжающих [российских командиров]..., многие из тех слобод бежали за границу». Кроме того, старшины стесняют торговлю слобожан, а «за умалением грунтов» (нехваткой пахотной земли) обыватели не могут прокормить себя хлебопашеством. В этих условиях, говорилось в челобитной, и новым «выходцам» добра ждать не стоит.

Препятствием к выходу служили и религиозные соображения: на пограничных форпостах, докладывали челобитчики, начальники велют выходцам называться «раскольниками», а это оскорбительно для их совести, и подвергать себя унижению люди не желают. Из-за религиозного давления снижалась для «загранишных» и привлекательность жизни в малороссийских слободах: часовни там имелись, но свое духовенство содержать слобожанам не разрешалось, что потенциальных переселенцев также не устраивало. В итоге староверы просили, чтобы, во-первых, «загранишным» было позволено после выхода в Россию отправлять «церковное служение» и иметь свое духовенство, а во-вторых, во избежание земельной тесноты селить выходцев, чьи интересы представляли челобитчики, не в «государевых слободах», а «на грунте» частного владельца – малороссийского полковника Ф. Максимовича.

Ожидавшийся приток рабочих рук отвечал ожиданиям местных землевладельцев – казачьих старшин, чьи интересы отстаивал малороссийский гетман К. Г. Разумовский. Не забывал он также о себе, рассчитывая направить поток россиян из-за границы и в свои «маетности» (имения). В письме от 7 сентября 1753 г. в Коллегию иностранных дел гетман предложил перевести слобожан под управление малороссийской Генеральной войсковой канцелярии. Если же, высказывался гетман, государство не передаст слобожан, то оно должно выселить их в Великороссию, дабы земли освободились для других чиншевиков. Все новые переселенцы-россияне также оказывались в малороссийском ведении.

Гетман торопился: свой универсал он издал 17 сентября, не дожидаясь ответа из столицы. Однако слобожане воспротивились этому: жалобы пошли в Киевскую губернскую канцелярию и Сенат, который отреагировал, и самоуправство К. Г. Разумовского было пресечено: указом 7 марта 1754 г. подтверждалась принадлежность слобод ведомству Киевской губернии. В губернской канцелярии отныне должны были собираться и жалобы слобожан на захват малороссиянами слободских, то есть казенных угодий. Сурово оценивались «малороссийские непорядки» – желание гетмана наложить руку на государевы слободы – и в указе от 16 марта 1754 г. гетман отступил, хотя окончательно оружия и не сложил: борьба за малороссийские привилегии продолжалась до прихода к власти Екатерины II, когда и был положен конец подобным притязаниям.

В развитие южной программы И.Ф. Глебов рапортовал 9 сентября 1754 г. в Сенат о многих выходцах из Польши, которых было желательно «поверстать» в службу и обязать повинностями, «чрез что, – указывал он, – может быть полза и Е. И. В. интерес». 19 сентября Сенат указал направлять этих выходцев, как и хотел И.Ф. Глебов, в Новую Сербию. 6 октября 1754 г. от командира последовал очередной рапорт, на этот раз с сообщением о желании старообрядцев, населявших большую, до сотни дворов, слободу под г. Бендеры, вернуться в Россию. Генерал-майор вновь настаивал на положительном решении: «если им в том выходе отказать, то впредь уже не будет к тому надежды», тем более что бессарабские «раскольники» могут подать пример и своим собратям в Польше и Литве (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Л. 58-62 об., 86-88).

Инициативы упали на подготовленную почву: 12 октября в Сенате впервые обсуждался вышеназванный проект П.И. Шувалова, поступивший туда 7 октября 1754 г. Появление шуваловского труда отнюдь не явилось случайностью. Автор приурочил его к окончанию заседаний комиссии коллежского советника А.А. Яковлева, разработавшей по поручению елизаветинской Уложенной комиссии первую редакцию «Пунктов о раскольниках» – общегосударственного закона о старообрядцах (Ряжев, 2004: 143-145). Сочинение комиссии носило драконовский характер, и в этой связи проект сановника явно полемизировал с ним. И.Ф. Глебов был протеже П.И. Шувалова, он же дал старт быстрой карьере в Сенате и сына И.Ф. Глебова – А.И. Глебова, обер-секретаря, впоследствии генерал-прокурора. В этой связи инициатива И.Ф. Глебова, затем ставшая его главным делом, была призвана подкрепить начертания могущественного патрона.

К южному начинанию немедленно подключился бригадир, впоследствии генерал-майор, киевский вице-губернатор И.И. Костюрин: он, как и глебовский родственный тандем, примыкал к шуваловской «партии» и также не мог остаться в стороне. Документы И.И. Костюрина, адресованные Уложенной комиссии и датированные 15 и 27 октября 1754 г., были проникнуты соображениями веротерпимости: именно в ней администратор, проявляя восприимчивость к веяниям сверху, видел средство улучшить положение слобожан и стимулировать реэмиграцию: «Из Польши ветковские жители просят устроить два монастыря, один мужеский, а другой женский, и отправлять им богослужение; а ежели церкви построить не можно, то хотя часовни, и как только позволение они получат, то совершенно могут несколько тысяч великороссийского народу людей выйти в Россию...» (Владимирский-Буданов, 1888: 42, 43).

Вице-губернатор хорошо понимал, что судьбы реэмиграции зависят от обстановки в малороссийских слободах. Они к тому времени были переполнены, испытывали недостаток в земле. Это могло негативно повлиять на настроения зарубежных староверов – потенциальных выходцев, поэтому предполагалось постепенно вывести излишнее население оттуда в Новую Сербию.

Возможность перемещения староверов внутри империи означала расширение их прав в целом – подобная перспектива подкреплялась либеральным духом проекта П.И. Шувалова. Расширение инициативы И.Ф. Глебова за счет правовых рекомендаций И.И. Костюрина сообщало южному начинанию принципиальный, программный характер.

5. Заключение

В середине XVIII в. государство, отказавшись от преследований старообрядчества, впервые выступило организатором возвращения беглых староверов из-за рубежа на родину. Основания политики реэмиграции предусматривали включение массы беглых, скапливавшихся близ границ, в систему государственного феодализма, закрепление их на окраинах, и прежде всего на юге. В итоге южная программа, подкрепленная правовыми начинаниями, одобренными свыше, переросла в направление государственной деятельности, возымевшей с учетом последствий реэмиграции для российского общества значительную перспективу.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ АААА–А19–119011490038–5).

Литература

Алексеев, 2005 – Алексеев (Стародубский) И. История о бегствующем священстве: [страница истории старообрядческой Ветки]. М., 2005. 107 с.

Андреевский, 1886 – Андреевский А. Материалы по истории Южнорусского края в XVIII ст. (1715–1774), извлеченные из старых дел Киевского губернского архива и изданные Императорским обществом истории и древностей. Одесса, 1886. [2], II, 433, III с.

Бантыш-Каменский, 1897 – *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. IV, 4, 319 с.

Барановский, 1998 – *Барановский В.* На стезе древлеправославия: Очерки истории Зарасайской старообрядческой общины: 1735–1797 годы // *Старообрядцы Литвы: материалы и исследования.* 1996–1997. Vilnius, 1998. С. 140-160.

Блажавичюс, 1998 – *Блажавичюс П.* Староверы Рокишкского края // *Старообрядцы Литвы: материалы и исследования.* 1996–1997. Vilnius, 1998. С. 161-196.

Владимирский-Буданов, 1888 – *Владимирский-Буданов М.* Проекты Киевской губернской канцелярии, представленные в Елисаветинскую и Екатерининскую законодательные комиссии // *Киевская старина.* 1888. Т. XXXI. Отд. «Документы, известия и заметки». С. 37-44.

Журавлев, 1831 – *Журавлев А.И.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святого Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым: [в 4 ч.]. 4-е изд. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. Ч. 1–4. [2], III, 372 с.

Загоровский, 1912 – *Загоровский Е.А.* Колонизация в Новороссии XVIII в. // *Военно-исторический вестник.* 1912. № 1. С. 87-99; № 4. С. 125-148.

Кабузан, 1976 – *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Таврической губерний) в XVIII – первой половине XIX веков (1719–1858 гг.) М., 1976. 307 с.

Лазаревский, 1888 – *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 1. Полк Стародубский. Киев, 1888. XVI, 470, XXX с.

Лилеев, 1895 – *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Вып. 1–2. Киев, 1895. [2], XII, 596 с.

Мельников, 1898 – *Мельников П.И.* Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 13. Очерки поповщины. М., 1898. 396 с.

Мельников, 2006 – *Мельников Ф.Е.* Собрание сочинений: Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 2006. 572 с.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Парамонов, 1904 – *Парамонов А.С.* О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения. СПб.: Тип. «Север» А.М. Лесмана, 1904. 172 с.

Петрухинцев, 1999 – *Петрухинцев Н.* Разгром Ветки // *Родина.* 1999. № 7. С. 41-44.

Починская, 1994 – *Починская И.В.* Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994. 182, [1] с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 13 (1749–1753). 962 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Ряжев, 2004 – *Ряжев А.С.* Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // *Отечественная история.* 2004. № 2. С. 143-155.

Ряжев, 2005 – *Ряжев А.С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // *История и историки.* 2005. М., 2006. С. 84-126.

Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 146. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. Ч. 12. 1740 г. СПб., 1915. XLIV, 568 с.

Скальковский, 1836 – *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. Ч. 1. С 1731-го по 1796-й годы. Одесса, 1836. XI, 288 с.

Стегний, 2002 – *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. 692 с.

Субботин, 1870 – *Субботин Н.И.* Прошение ветковских старообрядцев о епископе, поданное патриарху Константинопольскому в 1731 г. М., 1870. 19 с.

Шмидт, 1962 – *Шмидт С.О.* Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // *Исторический архив.* 1962. № 6. С. 100-107.

Deruga, 1938 – *Deruga A.* Kościół prawosławny a sprawa «buntu» w 1789 r. we wschodnich wojewodstwach Rzeczypospolitej. Wilno, 1938. 64 p.

Korzón, 1897 – *Korzón A.* Wewnetzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) T. 1: badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego: z ilustracyami i dodatkami. Kraków–Warszawa, 1897. 513 p.

References

Alekseev, 2005 – *Alekseev (Starodubskii) I.* (2005). Istoriya o begstvuyushchem svyashchenstve: (stranitsa istorii staroobryadcheskoi Vetki) [The history of the fleeing priesthood: (page of the history of the old believer Vetka settlements)]. М., 107 p. [in Russian]

Andrievskii, 1886 — *Andrievskii A.* (1886). Materialy po istorii Yuzhnorusskogo kraya v XVIII st. (1715–1774), izvlechyonnye iz staryh del Kievskogo gubernskogo arhiva i izdannye Imperatorskim obshchestvom istorii i drevnostei [Materials on the history of the South Russian region in the 18th century (1715–1774), extracted from the old documents of the Kiev provincial archive and published by the Imperial society of history and antiquities]. Odessa. [2], II, 433, III p. [in Russian]

Bantysh-Kamenskii, 1897 — *Bantysh-Kamenskii N.N.* (1897). Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god). Ch. 3 (Kurlyandiya, Lifyandiya, Estlyandiya, Finlyandiya, Pol'sha i Portugaliya) [Review of foreign relations of Russia (till 1800). Part 3 (Courland, Livland, Estland, Finland, Poland and Portugal)]. M., IV, 4, 319 p. [in Russian]

Baranovskii, 1998 — *Baranovskii V.* (1998). Na steze drevlepravoslaviya: Ocherki istorii Zarasaiskoi staroobryadcheskoi obshchiny: 1735–1797 gody [On the path of ancient Orthodoxy: Essays on the history of the Zarasai old believer community: 1735–1797]. Staroobryadtsy Litvy: materialy i issledovaniya. [Old Believers of Lithuania: materials and research]. 1996–1997. Vilnius, pp. 140–160. [in Russian]

Blazhavichyus, 1998 — *Blazhavichyus P.* (1998). Starovery Rokishkskogo kraja [Old Believers of Rokiškis area]. Staroobryadtsy Litvy: materialy i issledovaniya. 1996–1997. Vilnius, pp. 161–196. [in Russian]

Vladimirskii-Budanov, 1888 — *Vladimirskii-Budanov M.* (1888). Proekty Kievskoi gubernskoi kantselyarii, predstavlennye v Elisavetinskuyu i Ekaterininskuyu zakonodatel'nye komissii [Projects of the Kiev provincial chancellery, submitted to the legislative commissions of the empresses Elizaveta Petrovna and Catherine II]. *Kievskaya starina*. Vol. XXXI, pp. 37–44. [in Russian]

Zhuravlev, 1831 — *Zhuravlev A.I.* (1831). Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnikh strigol'nikakh, i novykh raskol'nikakh, tak nazyvaemykh, staroobryadtsakh, o ikh uchenii, delakh i razglasiyakh, sobranoe iz potaennykh staroobryadcheskikh predanii, zapisok i pisem, tserkvi Soshestviya Svyatogo Dukha, chto na Bol'shoi Okhte, protoiereem Andreem Ioannovym: [v 4 ch.]. 4-e izd [General historical overview about ancient Strigolniki, and new schismatics, so-called, Old Believers, about their doctrine, affairs and revelations, collected from the secret Old Believer legends, notes and letters by Andrey Ioannov, Archpriest of the Church of the Descent of the Holy Spirit, that on The Bol'shaya Okhta River in Saint-Petersburg]. Saint-Petersburg. Ch. (Parts) 1–4. [2], III, 372 p. [in Russian]

Zagorovskii, 1912 — *Zagorovskii E.A.* (1912). Kolonizatsiya v Novorossii XVIII v. [Development of New Russia lands during the 18th century]. *Voенно-istoricheskii vestnik*. № 1, pp. 87–99; № 4, pp. 125–148. [in Russian]

Kabuzan, 1976 — *Kabuzan V.M.* (1976). Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Tavricheskoi gubernii) v XVIII – pervoi polovine XIX veka (1719–1858 gg.) [The settlement of New Russia (Yekaterinoslav and Taurida provinces) from the 18th through the first half of the 19th century]. M., 307 p. [in Russian]

Lazarevskii, 1888 — *Lazarevskii A.M.* (1888). Opisanie staroi Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladieniya i upravleniya. Vol. 1. Polk Starodubskii [Description of old Malorossiya (Little Russia). Materials for the history of settlement, land ownership and administer affairs. Vol. 1. The Starodub Cossack Regiment Territory]. Kiev. XVI, 470, XXX p. [in Russian]

Lileev, 1895 — *Lileev M.I.* (1895). Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e. XVII–XVIII vv. Vyp. 1–2. [From the history of the the Russian Church schism in Vetka and Starodub'e. The 17 – 18th centuries. Issues 1–2]. Kiev. [2], XII, 596 p. [in Russian]

Mel'nikov, 1898 — *Mel'nikov P.I.* (1898). Polnoe sobranie sochinenii P. I. Mel'nikova (Andreya Pecherskogo). Vol. 13. Ocherki popovshchiny [The complete works of P. I. Mel'nikov (Andrei Pechersky). Vol. 13. The essays of history of the Popovshchina Old Believer denomination]. Moscow. 4, 396 p. [in Russian]

Mel'nikov, 2006 — *Mel'nikov F.E.* (2006). Sobranie sochinenii: Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoi (staroobryadcheskoi) Tserkvi [Collected works: a brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul. 572 p. [in Russian]

OPI GIM — Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Department of written sources of the State Historical Museum].

Paramonov, 1904 — *Paramonov A.S.* (1904) O zakonodatel'stve Anny Ioannovny. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [About the legislation of Empress Anna Ioannovna. Experience of a systematic explanation]. Saint-Petersburg. 172 p. [in Russian]

Petrukhintsev, 1999 — *Petrukhintsev N.* (1999). Razgrom Vetki [Devastation of the Vetka old believers' settlements]. *Rodina*. № 7. P. 41–44. [in Russian]

Pochinskaya, 1994 — *Pochinskaya I.V.* (1994). Staroobryadcheskoe knigopechatanie XVIII – pervoi chetverti XIX vekov [Old Believers printing from the 18th century through the first quarter of the 19th century]. Ekaterinburg. 182, [1] p. [in Russian]

PSZ — Pervoe polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The First Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1830. Vol. 13 (1749–1753). 962 p. [in Russian]

RGADA — Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient charts].

Ryazhev, 2004 — Ryazhev A.S. (2004). Neizvestnye proekty russkogo «prosveshchennogo absolyutizma» po delam religii [Unknown projects of Russian "enlightened absolutism" on religious affairs]. *Otechestvennaya istoriya*. № 2. P. 143-155.

Ryazhev, 2005 — Ryazhev A.S. (2005). Veroispovednaya politika russkogo «prosveshchennogo absolyutizma»: istoriya izucheniya [Religious policy of Russian "enlightened absolutism": history of study]. *Istoriya i istoriki*. 2005. M., pp. 84-126. [in Russian]

Sb. RIO — Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva. Vol. 146. Bumagi Kabineta Ministrov Imperatritsy Anny Ioannovny. Ch. 12. [Collection of the Imperial Russian Historical society. Vol. 146. Papers of the Cabinet of the Empress Anna Ioannovna. Part 12]. 1740 g. Saint-Petersburg, 1915. XLIV, 568 p. [in Russian]

Skal'kovskii, 1836 — Skal'kovskii A.A. (1836). Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia. 1731–1823. Ch. 1. S 1731-go po 1796-i god [A chronological review of the history of the New Russia area. 1731–1823. Part 1. From 1731 to 1796]. Odessa. XI, 288 p. [in Russian]

Stegnii, 2002 — Stegnii P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II [The partitions of Poland and diplomacy of Catherine II]. 1772. 1793. 1795. M., 692 p. [in Russian]

Subbotin, 1870 — Subbotin N.I. (1870). Proshenie vetkovskikh staroobryadtsev o episkope, podannoe patriarkhu Konstantinopol'skomu v 1731 g. [The petition of old believers from Vetka settlements about the Bishop, submitted to the Patriarch of Constantinople in 1731]. M., 19 p. [in Russian]

Shmidt, 1962 — Shmidt S.O. (1962). Proekt P. I. Shuvalova 1754 g. «O raznykh gosudarstvennoi pol'zy sposobakh» [The project "About the various methods intended to benefit the State" by P. I. Shuvalov, 1754]. *Istoricheskii arkhiv*. № 6. P. 100-107. [in Russian]

Deruga, 1938 — Deruga A. (1938). Kościół prawosławny a sprawa «buntu» w 1789 r. we wschodnich wojewodstwach Rzechypospolitej [The Orthodox Church and the case of the "uprising" in 1789 year in the Eastern voivodships of the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Wilno, 64 p. [in Polish]

Korzón, 1897 — Korzón A. (1897). Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Vol. 1: badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego: z ilustracjami i dodatkami [Internal history of Poland during the reign of king Stanisław August (1764–1794). Vol. 1: historical research from an economic and administrative position: with illustrations and additions]. Kraków–Warszawa, 513 p. [in Polish]

Старообрядческая реэмиграция начала 1750-х гг.: южная программа российских властей

Андрей Сергеевич Ряжев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена государственной вероисповедной политике середины XVIII в. — наименее исследованному периоду в процессе становления российской веротерпимости в раннее Новое время. Впервые в историографии изучено формирование особого направления деятельности государства — организации и поддержки реэмиграции старообрядцев, бежавших из России с конца XVII в., и их потомков. На основе малоизвестных материалов, в том числе неопубликованных, дана характеристика предпосылок и важнейших процессов становления реэмиграции, условно названных здесь южной программой. Наибольшее внимание в статье уделено прагматическим и просветительским основаниям южной программы реэмиграции, вытекавшим из приоритетов развития окраин Российской империи и подразумевавшим первоочередное заселение казенных земель и усиление присутствия беглого населения на них. В итоге автор констатирует, что элементы веротерпимости, проявившиеся в действиях местной военно-гражданской администрации и нашедшие поддержку верховной власти, привели к относительно быстрому включению беглых, скапливавшихся близ границ, в систему государственного феодализма и закреплению их на южных пространствах Новороссии.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, беглое население, реэмиграция старообрядцев, южная программа реэмиграции, Новороссия, вероисповедная политика, веротерпимость.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)